

ДЖЕЙМС Л.
НЕЛЬСОН

ВИКИНГИ
ИРЛАНДСКАЯ САГА

РОМАН

ХАРЬКОВ
БЕЛГОРОД
КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА
2016

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)
H49

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Nelson James L. *Dubh-linn : A Novel of Viking Age Ireland (Book Two of The Norsemen Saga); A Novel* / James L. Nelson. — Harpswell : CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014. — 326 p.

Перевод с английского Анатолия Михайлова

Дизайнер обложки Наталья Острогорская
Шрифтовое оформление обложки Сергея Ткачева

ISBN 978-617-12-1316-6 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3648-1 (Россия)
ISBN 978-1-4948-7893-4 (англ.)

- © James L. Nelson, 2013
- © Shutterstock.com / Olga Zakharova, sergey856, glebTv, обложка, 2016
- © Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2016
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2016
- © ООО «Книжный клуб "Клуб семейного досуга"», г. Белгород, 2016

*Моей прекрасной Элизабет, принцессе викингов,
в жилах которой по-прежнему кипит кровь
истинных норманнов*

БЛАГОДАРНОСТИ

Выражаю искреннюю благодарность Стиву Кромвеллу, который создал великолепную обложку для книги «Ладья викингов. Белые чужаки», чем немало способствовал ее успеху, и который любезно согласился сотворить такое же чудо и с этим романом. Я признателен Кэти Линн Эмерсон, автору потрясающей серии «Конфронтация» и многих других романов в жанре исторической беллетристики, за то, что она щедро поделилась со мной сведениями об использовании лекарственных трав в Средние века, и Наталиэлю Нельсону, обладающему поистине энциклопедическими знаниями о скандинавской мифологии. Я благодарен Эдмунду Йоргенсену за помощь в плавании по неизвестным водам издательской деятельности в Интернете.

И, как всегда, я склоняюсь перед Лизой, которая вот уже более двух десятков лет дарит мне свою любовь и поддержку.

ПРОЛОГ

САГА О ТОРГРИМЕ СЫНЕ УЛЬФА

Жил-был викинг по имени Торгрим сын Ульфа, которого называли Торгрим Ночной Волк.

Не отличался он ни гигантским ростом, ни шириной плеч, но силой обладал великой и считался опытным и уважаемым воином, а заодно снискал себе звонкую славу поэта. В молодости он ходил в походы с ярлом¹, состоятельным мужем по прозванию Орнольф Неугомонный.

Занимаясь набегами и грабежами, Торгрим разбогател и женился на дочери Орнольфа Халльбере, светловолосой красавице кроткого и мягкого нрава, которая родила ему двух здоровых сыновей и двоих дочерей. После этого Торгрим решил остаться на своем хуторе в Вике, в стране Норвегии, и более не отправляться в набеги.

Став земледельцем, Торгрим Ночной Волк тоже преуспел. Он и здесь завоевал всеобщую любовь и уважение.

Пусть он избегал излишеств и был сдержан в речах, поскольку не находил особого удовольствия в безудержном веселье, хозяином он слыл радушным и хлебосольным, никогда не отказывал усталым путникам в ночлеге и месте за своим

¹ Значение слов, отражающих средневековые реалии, а также морские термины см. в Глоссарии в конце книги. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

столом. Днем Торгрим отличался завидным добродушием и благожелательностью к своим людям и рабам, но по вечерам на него нередко находила хандра и раздражительность, и тогда приближаться к нему не рисковал никто. Многие втайне полагали, что Торгрим — оборотень, и, несмотря на то что никто не мог с уверенностью утверждать, будто видел, как Торгрим из человека превращается в кого-либо еще, его стали называть Ночным Волком.

Шли годы, Орнольф Неугомонный постарел и растолстел, но не утратил ни предприимчивости, ни жажды деятельности.

После того как жена Торгрима, которую он очень любил, умерла при родах их второй дочери, Орнольф уговорил Торгрима вновь отправиться искать счастья за моря.

К этому времени старший сын Торгрима Одд уже стал мужчиной и обзавелся собственным хозяйством и семьей. Хотя он обладал недюжинной силой и острым умом, Торгрим не взял его с собой в набег, полагая, что Одду с семьей лучше оставаться дома — на всякий случай.

Младшего сына Торгрима звали Харальд.

Особым умом он похвастать не мог, зато отличался верностью и трудолюбием, а к пятнадцати годам стал таким силичом, что его уже называли не иначе как Харальд Крепкая Рука. Торгрим, отправляясь в поход вместе с Орнольфом Неугомонным, взял Харальда с собой, дабы обучить его ратному делу. Шел 852 год по христианскому календарю, и всего лишь одна зима минула с того дня, как на свет появился Харальд сын Черного, которому уготовано было стать первым королем Норвегии по прозванию Харальд Прекрасноволосый.

В ту пору норвежцы выстроили форт на восточном побережье Ирландии в месте, которое ирландцы называли Дуб-Линн. Туда и решил направиться на своем драккаре «Красный Дракон» Орнольф, не подозревая, что датчане выбили оттуда норвежцев и захватили крепость.

По пути в Дуб-Линн викинги разграбили несколько судов, включая и то, на борту которого находилась корона, которую

ирландцы называли Короной Трех Королевств. Согласно обычаю, король, которому достается Корона Трех Королевств, должен повелевать соседними государствами и их властителями. Корону предполагалось вручить королю в межстечке под названием Тара, и тот намеревался воспользоваться данной ему властью, чтобы выбить норманнов из Дуб-Линна, но Орнольф и его люди, захватив корону в личное пользование, нарушили эти планы.

Потеря короны привела к нешуточным волнениям среди ирландцев, и король в Таре заявил своим подданным: «Мы не остановимся ни перед чем, но вернем корону, чтобы вышвырнуть этих *дуб галл* за пределы нашей страны». *Дуб галл* ирландцы в те времена именовали датчан, а норвежцев они прозвали *фин галл*.

Король и его воины попытались отбить корону, в результате чего им пришлось пережить множество приключений и отчаянных схваток с викингами.

Примерно в это же время Олаф Белый¹ изгнал датчан из Дуб-Линна.

Орнольф, Торгрим и те из их людей, кто еще оставался в живых, вступили в эту битву, после победы в которой их ждал радушный прием в форте. И впрямь, Орнольфу настолько понравился Дуб-Линн, что он и думать забыл о том, что ему нужно возвращаться к своей жене, которая славилась острым языком и сварливым нравом.

А вот Торгрому, напротив, Ирландия быстро прискучила, и он мечтал только о том, чтобы вернуться на свой хутор в Вике.

Но море забрало себе драккар, на котором они приплыли в Ирландию, и Торгрим стал подыскивать себе и Харальду иное средство, чтобы попасть домой.

И вот что было дальше.

¹ Олаф I Белый (ум. в 871 или 873 г.) — король Дублина (ок. 853—871 гг.), брат и соправитель королей Ивара и Асла. Норвежский или норвежско-гэльский военно-политический лидер Ирландии и Шотландии второй половины IX века. (Примеч. пер.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Страха в меня не вселит
Торда трусливое слово,
Меч властителя сечи
Вражьею вспоен кровью¹.

Сага о Гисли²

В предрассветном сумраке затаились, сложив крылья, и замерли в ожидании пернатые хищники.

На волнах, идущих с моря, покачивалась полудюжина драккаров. Они казались безлюдными, и длинные реи со сложенными парусами на носу и корме бесшумно описывали полукружья в воздухе. На каждом судне вдоль верхнего бруса планширя были прибиты круглые щиты. За грациозно изогнутыми форштевнями, вырезанными из мореного дуба в виде птиц и драконов, примерно в миле впереди лежало южное побережье Ирландии, и разрыв в береговой линии образовывал кратчайший водный путь к монастырю, расположенному в местечке под названием Клон. Полоска суши едва угадывалась в полумраке, который уже не рассеивал тусклый свет ущербной луны.

Флот пришел сюда из Дуб-Линна, он двигался под парусами и на веслах сначала на юг, а потом на запад вдоль побережья. Прошлой ночью викинги вытащили свои корабли на песчаный берег в нескольких милях отсюда. Разбуженные за несколько часов до рассвета, воины столкнули драккары на воду. Ночь выдалась тихой и безветренной, и потому они налегли на длинные весла, чтобы пройти последний отрезок пути вдоль побережья, пока не оказались здесь, в этом самом месте, где им предстояло высадиться на берег, а потом штурмовать форт, дабы захватить город и монастырь. Уже через какой-нибудь час они

¹ Здесь и далее «Сага о Гисли» цитируется в переводе О.А.Смирницкой. (*Примеч. пер.*)

² «Сага о Гисли» — исландская родовая сага, существовавшая в устном бытованиях с X века и записанная в XIII веке. В «Саге о Гисли» рассказывается об исторических событиях, которые произошли на западе Исландии в середине X века. (*Примеч. пер.*)

расчитывали взять в плен всех мужчин, женщин и детей на расстоянии трех миль в округе, население которой, как они надеялись, даже не подозревало об их присутствии.

Корабли разительно отличались друг от друга размерами. Те, что поменьше, имели на борту по двадцать-тридцать человек, размещавшихся в тесноте и давке, тогда как длинные и стремительные драккары с двадцатью парами весел легко могли вместить вдвое больше людей на палубах своих низко сидящих и изогнувших корпусов с хищными обводами. В общей же сложности около трехсот викингов замерли в напряженном ожидании, разлившемся в сыром и прохладном предутреннем сумраке.

Но отнюдь не предстоящая схватка заставляла их нервно поклеваться и вздрогивать. Совсем напротив. Предвкушение кровавой сечи поднимало им настроение и горячило кровь, ведь именно ради этого они и пришли сюда. Многие воины, взглядавшие в сумрак впереди, думали сейчас о стене щитов, ударах меча и о том, как лезвие боевого топора находит очередную жертву, и подобные размышления вселяли в них чувство спокойствия и уверенности.

А вот темноту они не любили. Точнее, норманны ее ненавидели. Если живых существ они не боялись, то твари, таившиеся во мраке, не принадлежащие к миру людей, скрывающиеся в потаенных местах на берегу или, хуже того, в бездонных глубинах под килями их кораблей, вселяли в них неизбывный ужас. Поэтому они сидели на своих банках, поправляя кольчуги и проверяя оружие. Северяне ожидали восхода солнца, а также приказа взяться за весла и двинуться к далекому пока еще берегу.

На корме дракара под названием «Черный Ворон», глядя на полоску суши и положив ладонь на рукоять меча, стоял, широко расставив ноги, Торгрим Ночной Волк. Другой рукой он теребил металлическую застежку тонкой работы, удерживающую на его плечах подбитую мехом накидку, в которой запуталась его борода. Она уже давно не была угольно-черной, как в молодости. Несколько недель назад он поймал свое отражение в серебряном кубке и отметил, что бороду его уже посеребрила седина, похожая на последние снежные заносы, еще не до конца растаявшие в тени.

Под ногами у него вздрогнула палуба, и он почувствовал, как судно легло на борт, уходя с курса. Он повернулся было к рулевому, чтобы приказать тому не зевать, но вовремя спохватился, вспомнив, что корабль ему не принадлежит. Несмотря на то что он стал на борту почетным гостем, реальной власти у него не было.

Владел этим кораблем и командовал теми норманнами, что сидели сейчас на гребных банках, Арнбьерн Торусон, который благодаря своей сверкающей улыбке получил прозвище Арнбьерн Белозубый. Торгрим едва различал его смутный силуэт у противоположного борта. Торгрим спросил себя, а не обратить ли внимание владельца на то, как его судно рыщет по волнам, но, поскольку столкновение с соседними кораблями им пока не грозило, Торгрим решил промолчать. Он не имел привычки лезть со своими советами в чужие дела, причем зачастую даже тогда, когда это касалось его напрямую.

Словно почувствовав на себе взгляд Торгрина, Арнбьерн в два шага пересек узкую палубу и остановился рядом, кивнув в сторону далекого берега.

— Что скажешь, Торгрим? — спросил он, и прозвучала в его тоне какая-то небрежная беспечность, отчего Торгрим внутренне ощетинился. — Эти ирландцы, они станут с нами сражаться?

— Трудно сказать. С ирландцами ни в чем нельзя быть уверенным, — неторопливо отозвался Торгрим, тщательно подбирав слова.

Он провел в Ирландии вот уже полгода, многое узнал о стране и народе, ее населявшем, и очень их презирал. Большинство викингов, из тех, кто приплыл сюда из Норвегии вместе с ним и Орнольфом Неугомонным, уже погибли в бесконечных стычках, которые, казалось, неотступно следовали за Короной Трех Королевств, словно рассерженный пчелиный рой. Те же, кто уцелел, оказались в море без руля и ветрил на утлой ирландской лодчонке, деревянный каркас которой был обтянут шкурами, и лишь волею случая прибились к огромному флоту Олафа Белого, который направлялся в Дуб-Линн, чтобы выбить оттуда датчан.

— Трудно сказать что-либо определенное, — вновь повторил Торгрим.

Арнбьерн стоял в нескольких футах от него, и его массивная фигура в подбитой мехом накидке терялась в предутреннем сумраке. Выдавал его лишь ослепительный блеск зубов. Торгрим отвернулся, глядя в сторону берега. Ему показалось, что рассвет уже близок, поскольку земля стала различаться куда отчетливее.

— Иногда они готовы бежать без оглядки при одном только виде драккара, — продолжал он, — а иногда упираются и дерутся, как бешеные. Зачастую это зависит от того, что делают их соседи. Каждый третий ирландец — король чего-нибудь или лорд какого-нибудь коровьего пастбища. Если они воюют друг с другом, то у них не хватит ни людей, ни духу, чтобы сражаться с нами. А вот если они решат держаться вместе, то смогут сколотить приличную армию и дать нам настоящий бой.

Арнбьерн немного помолчал.

— Понятно, — протянул он наконец. — Ладно, скоро увидим, чем все это для нас обернется.

А Торгрим тем временем вспоминал, как был здесь в прошлый раз, вот так же стоял на палубе драккара в предвкушении хорошей драки. Тогда они намеревались захватить Дуб-Линн, что не потребовало от них особых усилий. Олаф привел с собой огромное войско, а Дуб-Линн был уже не отдаленным форпостом, цепляющимся за ирландское побережье, а большим поселением с лавками, пивоварнями, кузнями, столярными мастерскими и прочими торговыми и ремесленными предприятиями, владельцам которых было глубоко наплевать на то, кто правит городом, лишь бы им не мешали зарабатывать себе на жизнь. Те немногие датчане, что пожелали умереть, защищая Дуб-Линн, быстро распрошлись с жизнью, а все остальные приняли новых хозяев города с поистине философским безразличием.

Орнольфа Неугомонного и Олафа Белого, знавших друга много лет и бывших хорошими друзьями, объединяла общая страсть к вкусной еде, выпивке и женщинам, причем в форте все это наличествовало в изобилии. Вскоре Орнольф уже утверждал, что Дуб-Линн — столь же приятное место, как

и Вальгалла, за исключением того, что здесь нет необходимости каждый день выходить на поле брани и рубиться со своими сотрапезниками. Орнольф клялся Одином, что намерен вернуться в Норвегию при первой же возможности. Но подобные клятвы звучали все реже и реже после очередной ночи, проведенной в медовом зале, и наконец, не сумев убедить в своей искренности никого из сподвижников, Орнольф перестал обманывать и себя самого.

Торгрим окончательно удостоверился в том, что вокруг начало светать. Люди на корабле зашевелились, словно рассвет вдохнул в них новые силы. Он уже ясно различал Харальда у четвертого с кормы весла по левому борту. Юноша изрядно возмужал с той поры, как они отплыли из Вика с Орнольфом, дедом Харальда. Причем возмужал во всех смыслах. Физически он уже вдвое превосходил себя прежнего. Ростом сейчас он не уступал Торгриму и даже, пожалуй, перерос его. Но мысли об этом не доставляли Торгриму особой радости.

Заодно Харальд раздался и в плечах. Он был из тех, кто не может оставаться без дела. Юноша первым впрягался в работу, если она имелась, а если ее не было, то он непременно находил ее.

В Дуб-Линне они поселились у одного кузнеца из Тронхейма по имени Йокул и его симпатичной жены-ирландки. Из всех ремесленников, прибывших в Дуб-Линн и оставшихся здесь — плотников и столяров, гребенщиков, кожевников и золотых дел мастеров, — именно кузнецы пользовались наибольшим спросом, а Йокул был лучшим среди них. Его дом и лавка тоже были самыми большими и вместительными.

Тем не менее поначалу кузнец ворчал, недовольный тем, что приютил под своей крышей двух воинов из Вика. И лишь голос его жены Альмайты, выступившей в их защиту, склонил чашу весов в их пользу. Что, в свою очередь, изрядно обеспокоило самого Торгрина, потому что он не понимал, с чего это вдруг она возжелала, чтобы они остались, и опасался, что ею движет неведомая ему пока корысть. Столь неожиданное гостеприимство могло обернуться крупными неприятностями, как было ему прекрасно известно, поскольку на своем веку он

навидался всяческих историй между мужчинами и женщинами, причем сам нередко играл в них главную роль.

Впрочем, все его страхи в конце концов оказались напрасными. Торгрим счел, что Альманта решила не упускать из рук деньги, которые они платили за кров и стол, а заодно хоть немного скрасить свое унылое существование с Йокулом, который отличался весьма неприятным нравом. Похоже, именно этим объяснялась ее неожиданная настойчивость. Харальд же по какой-то неведомой причине загорелся желанием выучить ирландский, и Альманта, оказавшаяся терпеливой и мудрой наставницей, взялась обучать его основам своего родного языка. Его сын по натуре отличался любопытством и жаждой знаний. Он ходил за кузнецом по пятам, выискивая для себя какое-нибудь занятие, и вскоре обнаружил, что Йокул нисколько не возражает против лишней пары рабочих рук в хозяйстве.

На протяжении нескольких месяцев юноша колол дрова и складывал их в поленницы, занимался ремонтом мазанки, в которой они жили, раздувал кузнечные меха и даже освоил грубую ковку, после чего кузнец сменил гнев на милость и проникся к нему доброжелательностью. Торгрим понял, что теперь он с неохотой расстанется с ними. Йокул даже пытался отговорить их от участия в набеге, хотя и безуспешно.

Харальд рос и взрослел не по дням, а по часам, не сидел без дела ни минуты, и аппетит у него развился волчий. Но и с этим в Дуб-Линне проблем не возникло. Как бы ирландцы не презирали норвежцев и датчан, форт представлял собой готовый рынок, на который нескончаемым потоком хлынуло награбленное золото и серебро. Каждое утро земледельцы толкали тележки с товарами через высокие деревянные ворота в чистоколе, а пастухи гнали на базар отары овец, стада коров и свиней. Казалось, все это устремлялось прямиком в бездонный желудок Харальда, и все росли и укреплялись его мышцы. Кто-то из людей Орнольфа в шутку назвал его Харальд Крепкая Рука, и прозвище пристало к юноше намертво.

Торгрим смотрел, как сын его разминает руки, готовясь налечь на валек весла. Он вдруг спросил себя: если дело между ними когда-либо дойдет до открытого столкновения, кто выйдет

из него победителем? Такое, конечно, не могло произойти в действительности. Торгрим любил Харальда всем сердцем и готов был отдать за мальчика жизнь, но только не поднять на него руку. Тем не менее вопрос был интересным.

«На моей стороне опыт и всякие хитрые приемы, — подумал он, — а в пользу Харальда говорят молодость и быстрота». Но, разумеется, еще с пятилетнего возраста Торгрим обучал сына владению щитом, мечом, боевым топором и копьем. Он сумел передать юноше большую часть своего бесценного воинского опыта и навыков обращения с любым оружием.

Тусклая полоска света на востоке, казалось, раздвинула горизонт, разъединив небо и водную гладь, и там нехотя показался краешек солнечного диска. Над волнами прокатился чей-то рык.

— На весла! — Это был голос Хескульда Фейлана, известного под прозвищем Хескульд Железноголовый, ярла, которому принадлежал драккар «Громовержец», самый большой корабль во всей флотилии. Именно он возглавлял нынешний набег на ирландское побережье.

Повинуясь команде, длинные весла с обоих бортов «Громовержца» описали идеальный полукруг и одновременно опустились в воду. Гребцы были скрыты от посторонних взглядов длинной линией ярко раскрашенных щитов, и Торгриму почудилось нечто сверхъестественное в том, как затаившийся и притихший корабль вдруг сам по себе ожила и рванулся вперед.

— На весла! На весла! — прокричал Арнбьерн Белозубый.

На гребных банках «Черного Ворона» по правому и левому бортам, на носу и на корме воины налегли на тяжелые рукоятки весел.

— Обе на воду! — подал Арнбьерн следующую команду, и весла одновременно опустились на воду.

Воины откинулись назад, и «Черный Ворон» стал набирать скорость. Корабль словно очнулся от тяжелого летаргического сна, и вода с журчанием побежала вдоль бортов. Деревянный корпус застонал под напором длинных весел, и монотонное покачивание на месте сменилось стремительным движением впе-

ред. Торгрим почувствовал, как по мере того, как корабль набирал ход, все чаще билось его сердце и улучшалось настроение.

Он бросил взгляд сначала на восток, а потом на запад. Повсюду корабли флотилии увеличивали скорость и устремлялись к берегу, выстраиваясь клином за кормой флагманского «Громовержца». Торгрим мельком покосился на Харальда, стараясь делать это незаметно — ему не хотелось, чтобы мальчик подумал, будто он присматривает за ним. Но Харальд сосредоточился на своей работе, поглядывая то на спину сидящего перед ним воина, то на море впереди или снасти над головой. Юноша обладал задатками настоящего морского волка. Торгрим перевел взгляд на приближающийся берег. По правому и левому борту к воде сбегали скалистые обрывистые утесы, но прямо перед ними береговая линия приветственно распахивала свои объятия. Именно в этот разрыв они и направлялись, после чего им предстояло подняться на несколько миль вверх от устья реки до места высадки. На берегу не было ни души. Во всяком случае, Торгрим не заметил там ни малейших признаков жизни.

Впервые они поднялись на веслах на «Красном Драконе» по реке Лиффи до форта Дуб-Линн в самом конце лета, а поздней осенью вернулись уже в составе флотилии Олафа Белого. Даже если бы Орнольф действительно попытался снарядить корабль, чтобы его люди могли вернуться в Норвегию, то сезон зимних штормов наверняка начался бы раньше, чем они успели бы выйти в море. Но, естественно, Орнольф и не собирался этого делать, и потому сырую и унылую зиму ему и его людям предстояло провести в переполненном, зловонном и утопающем в грязи Дуб-Линне.

Как только стало ясно, что Орнольф не намерен возвращаться домой, Торгрим испросил разрешения заняться собственными приготовлениями и получил его. Орнольфу не хотелось, чтобы он уезжал, и еще меньше он готов был расстаться с внуком, но разудалое бражничанье не мешало Орнольфу сознавать, что другие мужчины смотрят на мир по-иному. Ведь это он, Орнольф, уговорил Торгрина отправиться в набег, причем фактически против воли и желания самого Торгрина. Он знал, что тот отправился в поход в надежде приглушить боль и тоску, вызванные

смертью Халльбера. Когда подобные мысли приходили в голову ему самому — что случалось нечасто, поскольку он упорно гнал их от себя, — то в душу ему закрадывалось подозрение, что и сам он руководствовался точно такими же резонами. И еще Орнольф понимал, что Торгрим готов отправиться домой.

Но одно дело — хотеть, и совсем другое — суметь вернуться. Обходя причалы и регулярно наведываясь в медовый зал, знакомясь с другими викингами и ярлами, Торгрим вскоре осознал, что те вернутся в Норвегию не раньше, чем доверху набьют свои трюмы легендарными сокровищами Ирландии. Им предстояло совершить еще много набегов и погрузить добычу на свои корабли, прежде чем хотя бы появится надежда вновь отплыть на восток. Торгрим не имел ничего против набегов и грабежей. На своем веку он поучаствовал в стольких из них, что любым троим воинам этого хватило бы на целую жизнь. Но он больше не был молодым и жадным, и его отчаянно тянуло домой.

К этому времени Торгрим Ночной Волк уже стал хорошо известен в Дуб-Линне и пользовался заслуженной репутацией опытного и умелого бойца. В медовом зале то и дело вспоминали его былые подвиги и историю о том, как он увел своих людей из плена датчан и сражался с армиями ирландского короля под Тарой. А за его спиной шепотом, из уст в уста, передавались байки о его превращении в оборотня.

Однажды вечером, примерно через месяц после его возвращения в Дуб-Линн, трое могучих, до зубов вооруженных и крепко выпивших мужчин преградили Торгриму дорогу, когда он выходил из медового зала. Они рассчитывали сделать себе имя и прославиться, и рассказы о Ночном Волке до смерти им надоели. Схватка была короткой и закончилась весьма плачевно для разухабистой троицы. Точнее говоря, она закончилась тем, что все трое оказались повержены. Они лежали, уткнувшись лицом в грязь, лишившись разных частей тела. После этого Торгрима повсюду привечали лишь с вежливым уважением.

Торгрим знал об этом и рассчитывал, что его репутация обеспечит ему место на борту какого-нибудь корабля, но ожидания

его оказались напрасными. Да, к нему обращались с подчеркнутым радушием, ему наперебой покупали выпивку и закуску, его общества искали, когда он пребывал в умиротворенном расположении духа, но когда речь заходила о том, чтобы присоединиться к экипажу, свободного места для него не находилось. Прошел целый месяц, прежде чем Торгрим сообразил, что ни один владелец дракара не потерпит на борту соперника, воина, привыкшего повелевать, который может поставить под сомнение его собственные приказы и стать средоточием недовольства и бунта. И убеждать кого-либо в том, что он все-го лишь хочет занять свое место в стене щитов, чтобы сделать свое дело и вернуться домой, было бессмысленно.

По совести говоря, Торгрим вынужден был признать, что и сам не потерпел бы у себя на борту такого типа, как он сам.

Торгрим начал уже подумывать о том, чтобы самому построить корабль, на котором они с Харальдом могли бы доплыть до Норвегии, когда однажды в гавани его разыскал Арнбьерн Белозубый.

— Торгрим сын Ульфа, я слыхал, что ты желаешь присоединиться к какой-либо подходящей команде, — сказал он.

Торгрим окинул его взглядом с головы до ног. Хорошая добродушная одежда, на рукояти меча красуются серебряные накладки, а накидка из шкуры медведя перехвачена у горла золотыми и серебряными застежками. Арнбьерн выглядел крепким и хорошо сложенным и больше походил на ярла, чем на землемельца или рыбака. Нет, не на ярла. На сына ярла.

— Это правда, — отозвался он наконец.

Торгрим никогда не отличался особой жизнерадостностью, а сейчас так и вообще пребывал в крайне дурном расположении духа после всех своих неудач и разочарований. А тут еще этот бесконечный и нудный проклятый ирландский дождь... Случись это чуть позже, к нему вообще было бы не подступиться. Впрочем, пожалуй, чуть позже он и сам обосновался бы в таком месте, где его никто не потревожил бы.

— Мне нужен такой человек, как ты, — без обиняков заявил Арнбьерн.

— Правда? В таком случае, ты — исключение.

— Быть может, остальные боятся Ночного Волка, а я — нет. Я готов приветствовать на борту своего корабля любого, кто умеет обращаться с мечом и боевым топором.

У Торгрима было только одно условие, которое заключалось в том, чтобы и Харальду нашлось местечко на борту, на что Арнбьерн с радостью согласился. И вот две недели спустя Торгрим Ночной Волк вновь приближался к ирландскому берегу, готовясь спрыгнуть за борт драккара в мелкую воду, подняться по узенькой тропинке и напасть на ни о чем не подозревающих людей в форте и монастыре, который, как предполагалось, находился чуть поодаль от высокой и обрывистой береговой линии.

Корма «Черного Ворона» приподнялась, когда очередная волна прошла под его килем, и ухнула вниз, а нос, в свою очередь, поднялся кверху. Теперь с обоих бортов их обступила земля — корабль вошел в широкое устье, и океанские волны сменились речным мелководьем. Солнце уже взошло, но небо по-прежнему оставалось серым и угрюмым, хотя дождя не было. Берега тянулись коричнево-зеленой грязной полосой, и красавцы-корабли летели вверх по реке с возрастающей скоростью.

— Смотри! Вон там! — вдруг воскликнул Арнбьерн. Он указывал куда-то вдаль над правым бортом.

Торгрим проследил за его жестом. На невысоком гребне обрыва стояли люди. Их смутные силуэты едва различались на фоне серо-свинцового неба. Было их всего четверо или пятеро.

— Пастухи, как думаешь? — поинтересовался Арнбьерн. — Или рыбаки, быть может?

— Кто его знает... — неуверенно протянул Торгрим.

Не успели эти слова слететь с его губ, как на гребне появились еще три фигуры верхом на жалких низкорослых созданиях, которых ирландцы называли лошадьми. Складывалось такое впечатление, что они вели наблюдение за приближающимися кораблями — а на что еще, кроме них, здесь было смотреть? Затем они развернули своих коней и скрылись из виду.

«Очень хорошо, — подумал Торгрим, — преимущество по-прежнему на нашей стороне. Хотя захватить их врасплох нам, по-видимому, уже не удастся».

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности.....	7	Глава двадцать четвертая	214
Пролог		Глава двадцать пятая	221
<i>Сага о Торгриме сыне Ульфа .</i>	7	Глава двадцать шестая	228
Глава первая.....	12	Глава двадцать седьмая.....	238
Глава вторая.....	23	Глава двадцать восьмая	244
Глава третья	31	Глава двадцать девятая	253
Глава четвертая.....	37	Глава тридцатая	259
Глава пятая.....	44	Глава тридцать первая	272
Глава шестая	56	Глава тридцать вторая	280
Глава седьмая.....	65	Глава тридцать третья.....	287
Глава восьмая.....	72	Глава тридцать четвертая	294
Глава девятая	78	Глава тридцать пятая	302
Глава десятая.....	89	Глава тридцать шестая	311
Глава одиннадцатая	97	Глава тридцать седьмая	323
Глава двенадцатая.....	105	Глава тридцать восемь	331
Глава тринадцатая	112	Глава тридцать девятая	342
Глава четырнадцатая	118	Глава сороковая	351
Глава пятнадцатая.....	127	Глава сорок первая	359
Глава шестнадцатая	135	Глава сорок вторая	369
Глава семнадцатая	146	Глава сорок третья	384
Глава восемнадцатая.....	155	Глава сорок четвертая	397
Глава девятнадцатая	163	Глава сорок пятая	407
Глава двадцатая.....	174	Глава сорок шестая	418
Глава двадцать первая	185	Эпилог.....	427
Глава двадцать вторая	191	Глоссарий.....	439
Глава двадцать третья	200		